

11 СЕНТЯБРЯ, ВТОРНИК
НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС

Муж научил меня водить машину.

Вот единственная польза, которую я получила за четыре года, семь месяцев и две недели супружеской жизни.

На этой же машине я от него и уехала.

Катить вперед по Житомирской трассе сегодня было особенно приятно. Дождь в дорогу — хорошая примета. Он зарядил ночью и закончился перед рассветом. Последние капли упали как раз тогда, когда я закинула в багажник сумку со всем необходимым. Вещей набралось немного — ровно столько, чтобы вдали от дома я могла чувствовать себя более-менее комфортно. Но и не так уж мало, чтобы просто подхватить сумку и спуститься к подъезду. Муж, формально законный, однако де-факто бывший, попытался помочь мне, но я оттолкнула его руку и буквально скатилась по лестнице с десятого этажа. Не дожидаясь, пока придет вызванный им лифт.

Вырулив за городом на трассу, я въехала в ясное сентябрьское утро по мокрому и чистому асфальту. Он сверкал передо мной в солнечных лучах, словно освещая путь в новую жизнь. От этого настроение у меня неожиданно улучшилось, и я включила радио, настроившись на первую

попавшуюся «эфэмку». Это оказалась «Ностальгия», и Стас Намин из не таких уж и далеких семидесятых благословил меня шлягером «Я желаю счастья вам в этом мире большом...».

Что касается счастья, то нам с мужем его пожелала казенным голосом тетка с шиньоном в районном загсе. Гарантировано оно было также и штампом в паспорте. Гости поздравляли, лезли целоваться, и только Оля Примара прокомментировала событие в своем стиле: «Ларчик, солнышко, у любого мужчины не больше двух достоинств. Одно у него в бумажнике, другое — в штанах». «Разве не наоборот?» — со смехом спросила я, и в ответ услышала: «Член без бумажника — подачка на бедность. А вот если он приложен к бумажнику, то иногда можно и продаться».

Правота Оли подтвердилась довольно странным образом. У моего мужа все было в порядке и в бумажнике, и в штанах. Просто со временем он начал навещать супружеское ложе не чаще двух-трех раз в месяц, поскольку вечно мотался по своим бизнес-командировкам. Именно «навещать»: наши пылкие занятия любовью превратились в механический секс «на здоровье», а затем и вовсе трансформировались в «супружеские обязанности». Примечательные тем, что их, как и любые другие обязанности, не всегда хочется исполнять.

Тогда и я с головой ушла в работу: сначала фирма не давала продохнуть, а затем и частная практика стала требовать все больше и больше времени. Конечно, приятно, когда к юристу обращаются не по случайному объявлению, а именно потому, что ты, Лариса Гайдук, действительно стоящий адвокат.

Все это хорошо, даже замечательно. Однако наступил момент, когда я почувствовала: тот, за кого я вышла замуж, на самом деле совершенно чужой человек.

Дошло до того, что однажды я пожаловалась Оле Примаре: «Ну почему, почему он такой правильный? Хотя бы разок налево сходил, что ли! Вот бы узнать, что у него любовница, предъявить претензии, закатить грандиозный скандал и разойтись на фиг!»

На это Оля философски подлила мне коньячку на доннышко бокала со словами: «Ларчик, так всегда бывает, когда привыкаешь к мужчине, который в твоём присутствии не стыдится расхаживать небритым и в семейных трусах. Муж — это дурная привычка...»

Чем дальше от Киева, чем активнее вступало в свои права утро, тем больше машин появлялось на трассе. За рулем — преимущественно мужики, которые при виде одинокой женщины в «опеле» почему-то начинали жестикулировать. Ни тебе знаков внимания, ни малейшего желания поприветствовать даму. Может, мне и казалось, но все они вроде бы семафорили: эй, тетка, ну куда тебя понесло, это же наша дорога! Испортить мне настроение они, конечно, не могли — больно жирно, чтобы я терпела такое от всех и каждого. Но тут я поймала себя на том, что позволяю всем подряд обгонять меня. Захотелось утопить педаль газа и устроить небольшие гонки, и тогда посмотрим, кто тут шумахер! Я уже почти всерьез настроилась на эту игру, но вовремя одернула себя. Пусть. Еще и на этих внимание обращать. Еду себе, и кому какое дело до этого...

Свои претензии к мужу я долго не могла четко сформулировать. Даже вычитала в каком-то журнале, что для этого надо сесть за стол и попробовать записать их на бумаге. Но ничего из этого не вышло. Со стороны все у нас выглядело о'кей. Не то чтобы идеальная пара, но оба работаем, квартира в новом доме, даже кредит выплатили. Деньги есть, жилье в наличии, он не бегаёт за юбками, она не ищет приключений с чужими мужьями. Детей нет — тоже не беда. В нормальных странах люди сначала для

себя поживут, а уж потом детей заводят. К тому же сейчас бизнес у мужа идет стабильно, а там — бац! — и нет ничего, Украина все-таки... Мне даже завидовали втихомолку — все, кроме Оли Примары.

Она была единственной, кто обрадовался, когда я сказала о своем намерении развестись. Сначала ей и только потом мужу. Именно в такой последовательности...

Неподалеку от Житомира меня стремительно, будто волки за ним гнались, обошел белый микроавтобус с логотипом телеканала «Интер» на борту. Телевизионщики куда-то отчаянно спешили, причем, как выяснилось чуть позже, все подряд. В течение следующего получаса меня обогнали еще несколько фургонов и бусиков с эмблемами известных телеканалов и в конце какое-то горбатое бело-синее транспортное средство, помеченное цифрами «1+1». На телевидении у меня работает приятельница, так что я знала, что эта штука называется ПТС, то есть «передвижная телевизионная станция». Она позволяет съемочной группе развернуться где угодно, немедленно начать вести «горячий» репортаж и осуществлять прямые включения в новостных выпусках. Ясное дело — где-то что-то случилось. Из-за своих личных проблем я уже несколько дней не следила за новостями, хотя и в обычные дни не так уж часто смотрю телевизор. Не то чтобы не люблю — просто времени не хватает...

Мужа мое решение не особенно удивило. Это и стало последней каплей. Он мог просить прощения, ругаться, допытываться, кто у меня есть, как его зовут и чем он лучше него. Наконец, мог бы устроить скандал с битьем посуды и метанием бытовой техники в окно. Не так уж плохо нам было вместе, и не всегда наша совместная жизнь подпадала под определение «никакая». По большому счету я и сама не могла, да и сейчас не могу определенно сказать, чего мне с ним не хватало.

«Дурью маешься, девка, — это мама так заявила. — Тебе уже за тридцать, где еще такого найдешь. Позитивный, правильный, непьющий, деньги в дом...»

«Да при чем тут бабло, мам? Я и сама неплохо зарабатываю! И не так уж далеко мне за тридцать, чтобы ставить на себе крест! А насчет дури — ты права, и ухожу я от него, чтобы не сдуреть окончательно! Все, разговор окончен!..»

За Житомиром я почувствовала — помру без кофе. Остановилась у первой попавшейся придорожной харчевни, где с удивлением обнаружила не только «кофе растворимый», но и «эспрессо», «американо» и даже «кофе по-турецки», которые подавали здесь не в одноразовом пластике. Заказала. А потом, махнув рукой на предрассудки, слопала громадное по киевским меркам заварное пирожное, полное масляного крема, заплатила смешные деньги и двинулась дальше...

Итак, муж не скандалил. Даже не удивился. Равнодушно произнес: «Как знаешь», — и начал собираться в аэропорт. Тут уже не выдержала я: «И это все, что ты можешь мне сказать?» — «А зачем воздух сотрясать? Ты же все равно не передумаешь. Вернусь — позвоню одному спецу, пусть займется разменом квартиры». В следующие четыре дня я осталась один на один с мыслью: вот ведь, блин, женская доля, даже развестись как люди не умею... Когда муж вернулся, я затащила его в кухню, усадила напротив и провела короткие деловые переговоры. Суть сводилась к следующему: по поводу квартиры пусть не парится — она куплена на его деньги. И хотя на момент приобретения мы состояли в браке, а значит, формально я имею право на половину недвижимости, практикующему адвокату гораздо важнее иметь машину. Поэтому я беру на себя всю юридическую сторону дела и немедленно подготовлю документы, по которым квартира отойдет ему, а я лишусь права на нее претендовать. Но «опель» останется мне. Вот и весь раздел